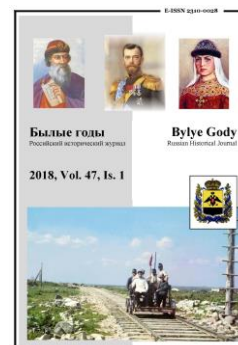

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 97-106. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.97
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century

Andrey A. Nepomnyzhchy ^{a, b, *}, Alexandr S. Kravchuk ^{a, c}

^a V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

^b State Institution "Sh. Marjani Institute of History" of Tatarstan Academy of Sciences Russian Federation, Russian Federation

^c Crimean Engineering and Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

Taurida Governorate played an important role among the other administrative units of the Russian Empire. As a result, the leadership of the country paid close attention to the appointment of senior officials in the region. A unique climate, Black Sea Fleet, ethnic diversity and a frontier position contributed to the importance of Governors' nomination. Moreover, there was insignificant number of active nobility, which took part in the management of the region. Additionally, the role of Taurida governor increased due to the remoteness from the central state authorities. In such circumstances, selection of governors and their level of competence played a crucial role in the domestic policy of Russian Empire.

In the present article, two periods in personnel policy in Taurida Governorate are determined. The first stage is the time of Alexander I reign. During this period various ministries and tsar participated in the selection of governors. The second stage is the time when Novorossiya General-Governor M.S. Vorontsov played first violin in this process. He became the head of the region in the last year of Alexander I reign and managed territory during Nicholas I reign. M.S. Vorontsov created specific system of administration when he controlled most of appointments in the region. Analysis of top officials' appointments in the Taurida Governorate allowed understanding the mechanism of selection in a particular administrative unit and identifying patterns of personnel policy in the peripheral provinces of the Russian Empire.

Keywords: Taurida Governorate, Taurida Governors, administrative history, D.B. Mertvago, A.M. Borozdin, A.S. Lavinsky, M.M. Muromcov.

1. Введение

Со времен реформ Петра I в Российской империи основным проводником государственной политики на местах стала бюрократия. Постоянное приращение новых территорий вынуждало центральные органы власти учитывать специфику периферийных областей при формировании системы местного управления. Несмотря на существование регионального компонента в большинстве окраинных административных единиц система управления замыкалась на губернаторах. На них, в основном, ложилась ответственность за успехи и неудачи проводимой правительственной политики. Именно поэтому назначению руководителей регионов придавалось ключевое значение. Подбор кандидатов на эту должность являлся прямым отражением устремлений органов центральной власти. Изучение практик назначения высших административных лиц в Таврической губернии представляется важным не только в контексте стратегической роли региона, но и может быть использовано при анализе кадровой политики, проводимой во время освоения окраинных территорий.

* Corresponding author

E-mail addresses: dr.aan@mail.ru (A.A. Nepomnyzhchy),
alexkravchuk7@gmail.com (A.S. Kravchuk)

Административная реформа, предпринятая Александром I на заре его царствования, привела к разделению Новороссийской губернии на три отдельные административные единицы: Таврическую, Екатеринославскую и Николаевскую губернии. Последняя, спустя год, получила название Херсонской по имени города, который определялся новым губернским центром. В административном отношении таврический гражданский губернатор, как и все его коллеги, входил в ведомство Министерства внутренних дел. Одновременно с этим чиновник являлся подчиненным херсонского военного губернатора. Учитывая приграничное положение территории бывшей Новороссийской губернии, в соответствии с общими тенденциями функционирования системы местного управления, в рассматриваемом регионе была введена должность херсонского военного губернатора. В 1803 г. «военные губернаторы, управляющие гражданской частью, были приравнены к генерал-губернаторам» (Писарькова, 2012: 48). С 11 декабря 1822 г. херсонский военный губернатор стал именоваться новороссийским генерал-губернатором (ПСЗРИ, 1822–1823: 191–192).

2. Материалы и методы

С целью выявления региональных и государственных проблем в ходе исследования использовались компаративистские методы: сопоставительный, генетический, типологический. Ключевые величины, характеризующие губернаторский корпус Таврической губернии, соотносились с общеимперскими показателями соответствующего периода. В свою очередь, это дало возможность обнаружить преемственность и динамику управленческих практик таврических гражданских губернаторов, а также определить их место в государственном контексте, раскрыть региональную специфику.

Методы статистического и количественного анализа применялись при изучении формулярных списков, обзоров и основополагающих показателей социального и экономического развития. Это позволило выявить количественную меру каждого конкретного качества и определить эффективность работы отдельных администраторов. В труде при анализе формулярных списков нашли применение подходы, предложенные И.Н. Киселевым и С.В. Мироненко (Киселев, Мироненко, 1986), П.А. Зайончковским.

Источниковую базу исследования составили документы архивных фондов Государственного архива Республики Крым и Российского государственного исторического архива, в которых содержится информация о служебной деятельности таврических гражданских губернаторов. Не менее важными являются документы личного происхождения, дополняющие официальное делопроизводство.

3. Обсуждение

Вопрос о необходимости комплексного изучения чиновничьего аппарата Российской империи был поднят признанным специалистом в этой области П.А. Зайончковским (Зайончковский, 1978). Изучение личного состава государственных органов и принципов их комплектования позволило ученому доказать, что важнейшую роль во внутренней политике играли люди, занимающие различные посты в аппарате местного управления. П.А. Зайончковский в ходе массовой обработки и анализа формулярных списков разработал и применил собственный подход, используемый и в современных исследованиях. Ученый пришел к заключению о том, что всесторонняя оценка деятельности административного аппарата Российской империи может быть произведена только на основе всеобъемлющего изучения и учета персональных качеств чиновников. Работу в этом направлении продолжили ученики П.А. Зайончковского: Б. Линкольн (Lincoln, 1982), Д. Филд (Field, 1976), Дж. Яней (Yaney, 1973), Д. Орловски (Orlovsky, 1981), Дж. ЛеДонн (LeDonne, 2004).

В отечественной историографии за последние десятилетия появилось значительное количество работ, в которых рассматривается деятельность чиновников отдельных административных единиц и центральных органов власти. На общем фоне выделяется фундаментальный труд Л.М. Лысенко (Лысенко, 2001), посвященный эволюции института губернаторства в Российской империи. Исследовательница расширила методологию и провела анализ губернаторского корпуса Российской империи. Это позволило создать социально-исторический портрет высших должностных лиц на местах, существенно расширить представления о региональной кадровой политике.

Комплексный анализ уровня подготовки высших административных лиц Таврической губернии и сравнение этих показателей с общеимперскими до сих пор проведены не были.

4. Результаты

Кадровую политику центра в Таврической губернии первой половины XIX в. следует разделить на два периода. Первый – это время правления Александра I и пребывание в должности херсонского военного губернатора А.Э. Ришелье и А.Ф. Ланжерона. Таврическими гражданскими губернаторами на этом этапе были: Г.П. Милорадович (13 декабря 1802 – 2 августа 1803 гг.), Д.Б. Мертваго (26 декабря 1803 – 28 октября 1807 гг.), А.М. Бороздин (2 ноября 1807 – 20 июля 1816 гг.), А.С. Лавинский (20 июля 1816 – 28 декабря 1819 гг.), А.Н. Баранов (28 декабря 1819 – 25 апреля 1821 гг.) и Н.И. Перовский (25 февраля 1822 – 16 октября 1823 гг.) (Губернии, 2003: 284–285).

Второй – время генерал-губернаторства М.С. Воронцова, назначенного в последние годы царствования Александра I и большую часть времени руководившего регионом в царствование Николая I. Во главе Тавриды в этот период пребывали: Д.В. Нарышкин (16 октября 1823 – 17 апреля 1829 гг.), А.И. Казначеев (17 апреля 1829 – 13 февраля 1837 гг.), М.М. Муромцов (22 февраля 1837 – 19 января 1843 гг.), В.Я. Рославец (19 января 1843 – 22 января 1845 гг.), В.И. Пестель (22 января 1845 – 11 ноября 1854 гг.) (Губернии, 2003: 284–285). Всего в должности таврического гражданского губернатора от образования губернии 8 октября 1802 г. и до отстранения гражданского губернатора В.И. Пестеля 11 ноября 1854 г. и подчинения гражданской части генерал-майору Николаю Владимировичу Адлербергу, произошедшее во время Восточной (Крымской) войны, находилось 11 человек.

На первом этапе ключевую роль в определении чиновников, руководящих Тавридой, играло Министерство внутренних дел и лично государь. Херсонские военные губернаторы А.Э. Ришелье и А.Ф. Ланжерон не оказывали заметного влияния на назначения высших административных лиц в регионе. Так, первый губернатор Г.П. Милорадович был определен в должность благодаря личной протекции Александра I, что впоследствии затруднило его перевод на новое место службы и привело к завершению карьеры (Письмо императора, 1864: 623). Второй губернатор – Д.Б. Мертваго – стал главой административной единицы благодаря поддержке министра юстиции Г.Р. Державина. Следующий руководитель губернии – А.М. Бороздин – сам стремился получить назначение в Крым и с этой целью обратился к императору и министру внутренних дел В.П. Кочубею (Кравчук, 2013: 46–67). Его приемники занимали пост таврического гражданского губернатора при непосредственном участии либо императора, как в случае с А.Н. Барановым (Фадеев, 1897: 65), либо министра внутренних дел – А.С. Лавинский и Н.И. Перовский. Причиной этого было, с одной стороны, пристальное внимание к юго-западным окраинам империи со стороны Александра I. С другой – А.Э. Ришелье до назначения херсонским военным губернатором большую часть времени провел на военной службе, был человеком «со стороны» и не принимал активного участия в подборе высших административных лиц региона. К тому же, усиление власти херсонского военного губернатора в это время претягивали укрепляющиеся в обществе либеральные настроения. Сменивший его А.Ф. Ланжерон продолжал вектор, заданный предшественником.

Во второй период ключевую роль во всех назначениях в крае стал играть М.С. Воронцов. Его вступление в должность новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области, состоявшееся 7 мая 1823 г. (Захарова, 2001: 170–171), кардинально изменило ситуацию. Кадровая политика, проводимая М.С. Воронцовым, отличалась стремлением отобрать квалифицированных специалистов для занятия должностей на всех уровнях аппарата управления и поставить этот процесс под личный контроль. Это вело к нарушению сложившейся системы управления, при которой многие губернские ведомства подчинялись министерствам, а также существенному неформальному увеличению роли новороссийского генерал-губернатора. В таких условиях произошло замыкание системы управления на канцелярии М.С. Воронцова и сокращение роли министерств. При этом император и министры, в целом, негласно одобряли действия князя, который лично отвечал за все успехи и неудачи непосредственно перед самодержцем. Американский исследователь российской бюрократии Джордж Йени называл таких управленцев «царскими агентами» (Yaney, 1973: 221–228).

Такое положение в регионе привело к тому, что все таврические гражданские губернаторы во второй четверти XIX в., кроме М.М. Муромцова, были назначены по протекции М.С. Воронцова. Определение в должность М.М. Муромцова произошло при поддержке Николая I (Кравчук, 2015b: 25). Генерал-губернатор покровительствовал и способствовал назначению хорошо знакомых ему чиновников. Ключевые должности занимали люди, которые ранее служили под его началом в армии (А.И. Казначеев и Д.В. Нарышкин) либо были замечены им на гражданской службе (В.Я. Рославец и В.И. Пестель). Эти факты иллюстрируют механизм протекции и зависимость таврических гражданских губернаторов от генерал-губернатора. Изучение административной деятельности М.С. Воронцова и его взаимодействия с министерствами свидетельствует о том, что система управления империей была достаточно гибкой. Часто это выражалось в молчаливом согласии центра на расширение полномочий отдельных администраторов, выходящих за рамки очерченных законом норм.

В годы правления Александра I губернаторами Тавриды становились чиновники в ранге не ниже четвертого класса в «Табели о рангах». Исключение составляет лишь Н.И. Перовский, получивший назначение в звании статского советника (5 класс) (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1699. Л. 140–146). Выбор пал на него не случайно и был скорее исключением, подтверждающим правило, – он должен был заменить внезапно умершего предшественника. Его назначение выглядит вполне логичным: Н.И. Перовский занимал в это время должность феодосийского градоначальника и был хорошо знаком с местными реалиями. Д.Б. Мертваго (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 2–3), А.С. Лавинский (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 277. Л. 12–19), А.Н. Баранов (Кравчук, 2015a: 60–61) ко времени занятия губернаторского поста находились в звании действительного статского советника (4 класс в «Табели о рангах»). В ранге тайного советника был назначен Г.П. Милорадович (3 класс в «Табели о рангах») (Милорадович, 1871: 90–94). Управленцу столь высокого чина предстояло

реорганизовать систему местного управления сразу после создания Таврической губернии. Г.П. Милорадович имел большой опыт налаживания работы различных ведомств, что называется «с нуля». А.М. Бороздин получил должность в звании генерал-лейтенанта (3 класс в «Табели о рангах») (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 117. Л. 2–3).

В царствование Николая I происходит увеличение количества губернаторов из военных чинов. В Новороссийском крае инициатива в подборе кандидатов на высшие административные должности переходит из центра в канцелярию генерал-губернатора. Это привело к трансформации критериев отбора. Таврическими гражданскими губернаторами в это время становились чиновники только 4–5 класса. А.И. Казначеев (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 595. Л. 1–2) и М.М. Муромцов (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 432. Л. 1–10) – в звании статского советника (5 класс в «Табели о рангах»); Д.В. Нарышкин (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 199. Л. 2–3) и В.Я. Рославец (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 442. Л. 1–2) – действительно статского советника (4 класс в «Табели о рангах»); В.И. Пестель – в звании генерал-майора (4 класс в «Табели о рангах») (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1692. Л. 52–59).

Еще одним важным фактором, свидетельствующем о степени подготовки чиновников, является уровень их образования, который оставлял желать лучшего как в Новороссийском крае, так и во всей Российской империи. Херсонский военный губернатор А.Ф. Ланжерон 5 декабря 1817 г. обращался к А.С. Лавинскому с требованием соблюдать указ «О правилах производства в чины по гражданской службе...» от 6 августа 1809 г.: «Императорский Харьковский университет имеет сведение, что в Таврической губернии в гражданскую службу принимаются люди, не окончившие учения в публичных училищах. [...] Прошу покорнейше вас сделать распоряжение, дабы люди, не окончившие какое-либо училище, не были принимаемы в гражданскую службу» (ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3204. Л. 1–2). В ответ А.С. Лавинский пытался объяснить, что в регионе отсутствуют служащие с требуемым уровнем образования. На это А.Ф. Ланжерон сообщал: «Я весьма охотно принял бы на себя ходатайство о допущении исключительного права принимать в статскую службу по Таврической губернии людей, не окончивших курса наук в любом общественном училище. Однако, такое право может дать повод уклоняться некоторым родителям от воспитания детей, ибо полагаю, что означенный в отношении моем закон издан для распространения лучшего обучения. Впрочем, вы должны руководствоваться данным указом, для научения канцелярских чиновников» (ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3204. Л. 5–6). Фактически законы о необходимом минимуме образования государственными служащими не исполнялись. Этот факт подтверждают данные и по Таврической губернии. Именно поэтому в 1834 г. было введено «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» (Зайончковский, 1978: 150–153).

Из таврических гражданских губернаторов, получивших университетское образование, выделим Г.П. Милорадовича и А.М. Бороздина. Первый в 1778–1782 гг. обучался в Кенигсбергском университете (Милорадович, 1871: 91), после чего на протяжении 5 лет был студентом в Геттингене, Лейпциге, Страсбурге и Меце (Милорадович, 1871: 92–94). Семья Г.П. Милорадовича израсходовала на его образование крупную сумму – 10 850 рублей (Милорадович, 1871: 93). А.М. Бороздин окончил Кембриджский университет. Председатель Екатеринославской конторы иностранных поселенцев А.М. Фадеев вспоминал в связи с этим следующее: «Бороздин, человек недюжинный по образованию и даже учености, воспитанник Кембриджского университета, имел диплом доктора медицины и писал рецепты, занимаясь лечением больных, но был плохой губернатор, как это часто случается с учеными» (Фадеев, 1897: 54–55). Д.Б. Мертваго, А.С. Лавинский, А.Н. Баранов, Н.И. Перовский получили домашнее образование.

В годы генерал-губернаторства М.С. Воронцова и правления Николая I произошли изменения в характере получаемых знаний. Этому способствовало развитие системы образования в царствование Александра I. В результате возросло число чиновников, окончивших учебные заведения различного уровня в пределах Российской империи. Так, В.Я. Рославец являлся воспитанником благородного пансиона при Московском университете, М.М. Муромцов получал знания в пансионе Фонка и Дюре в Москве, А.И. Казначеев окончил курс Рязанской гимназии. Д.В. Нарышкин получил домашнее образование, В.И. Пестель сначала 4 года учился в Германии под руководством своей бабки, после чего три года провел в Пажеском корпусе. Приведенные данные свидетельствуют о том, что во второй четверти XIX в. в губернаторском корпусе Таврической губернии увеличилось количество чиновников, получивших системное образование, однако не было ни одного администратора, обучавшегося в университете и за пределами России. Отсутствие губернаторов с университетским образованием может свидетельствовать о падении престижности должности таврического гражданского губернатора.

Важными представляются и возрастные показатели администраторов, определяемых на пост руководителя Таврической губернии. Особое внимание обращает на себя тот факт, что во время правления Александра I все чиновники к моменту назначения были не старше 45 лет. При его приемнике – Николае I – возраст таврических гражданских губернаторов постепенно увеличивался и в среднем составлял 46–50 лет. В период с 1802 по 1854 гг. ни один начальник края ко времени вступления в должность не был старше 50 лет. А.Н. Баранов возглавил регион в 26 лет и был одним из самых юных губернаторов Российской империи (Кравчук, 2015а: 61). В обществе сложились к мнению, что «губернаторство – хороший административный опыт, раскрывавший возможности

человека не только как чиновника-исполнителя, но и руководителя» (Минаков, 2012: 11–19). Именно поэтому многие государственные служащие воспринимали этот пост, как очередную ступень в карьерном развитии, особенно в первой четверти XIX в. По этой же причине срок, проведенный во главе Таврической губернии, был в 2 раза меньше в сравнении с показателями по Российской империи. Полуостров вызывал интерес в правительственных кругах, представители царской семьи обзаводились в Крыму собственными именьями, часто посещали регион. Способствовать карьерному росту могли и херсонские военные губернаторы, а позже новороссийский генерал-губернатор. Они обладали весомым авторитетом, в высших эшелонах власти прислушивались к их мнению.

Одной из особенностей формирования аппарата управления в обозначенный период было то, что большинство должностных лиц начинали службу в армии и непосредственно участвовали в боевых действиях. По данным формулярных списков за 1825 г. около 42,1 % чиновников, состоявших на службе, в прошлом были участниками различных военных кампаний (Киселев, Мироненко, 1986: 6–31). Именно из их числа черпались кадры государственного аппарата управления. Причиной тому были масштабные кровопролитные столкновения первой четверти XIX в. и непопулярность гражданской службы в дворянской среде. Данные формулярных списков таврических гражданских губернаторов подтверждают эту тенденцию: лишь В.Я. Рославец никогда не находился на военной службе. Г.П. Милорадович и Д.Б. Мертваго не принимали прямого участия в ратных подвигах, тем не менее, имели военные чины. Остальные губернаторы участвовали в войнах конца XVIII – первой половины XIX века, абсолютное большинство встало на защиту отчизны в Отечественной войне 1812 года. Фактически, служба в армии считалась необходимым условием для занятия высоких гражданских постов.

Очевидно, что опыт военной службы оказывал как положительное, так и негативное влияние в дальнейшей карьере. С одной стороны, будущие чиновники обзаводились необходимыми связями в высшем обществе, получали сноровку как руководители воинских подразделений, с другой – реалии гражданской службы были намного разнообразнее армейской, значительную роль играли неформальные отношения, было необходимо вести обширную переписку, постоянно брать инициативу в решении сложных вопросов на себя, учитывать настроения в обществе.

Важным показателем подготовки чиновника служит опыт его предыдущей работы. Из 11 таврических губернаторов 3 начинали службу в гражданском ведомстве (Н.И. Перовский, А.И. Казначеев, В.Я. Рославец), остальные в военном. А.М. Бороздин и Д.В. Нарышкин построили армейскую карьеру и имели лишь общее представление о штатской службе. С крымскими делами хорошо были знакомы 5 чиновников, ранее трудившиеся на полуострове: Д.Б. Мертваго служил надзирателем крымских соляных озер; Н.И. Перовский занимал пост таврического вице-губернатора и феодосийского градоначальника. На должности руководителя Феодосийского градоначальства трудился А.И. Казначеев. Этот пост в первой четверти XIX в. можно назвать «трамплином», дающим в перспективе возможность возглавить Таврическую губернию. Любопытно, что ни один из керчьеникальских градоначальников не стал главой Тавриды в рассматриваемый период.

Во второй четверти XIX в. проявляется новая тенденция – таврическими губернаторами назначались чиновники, ранее занимавшие пост херсонского гражданского губернатора: это В.Я. Рославец и В.И. Пестель. Последний также служил херсонским военным губернатором. Эта мера была предпринята М.С. Воронцовым с целью усиления руководящего состава в Тавриде. Подтверждает данное утверждение характеристика В.И. Пестеля, представленная известным крымоведом XIX в. А.Г. Завадовским: «В Таврической губернии В.И. Пестель нашел много племен и наречий, большое разнообразие культуры, здесь двигал не закон, а обычай, обычай азиатский, дикий, произвольный, вставлять который в рамки законности и гражданского порядка было очень трудно и часто совсем невозможно. В.И. Пестель в Симферополе был неузнаваем, так он скоро и разом переменялся. Один из министров, проезжая из Петербурга в Крым, остановился в Орехове перед мостом на границе Таврической губернии и, перейдя мост, сказал: «Ступил на землю беззакония». Нужно было управлять губернией не по существовавшим правилам, а по веянию ветра, ветер же с разных сторон дул различный» (Завадовский, 1885: 263–264).

В это же время появляется все больше «профессиональных губернаторов», чиновников, которых часто перемещали из одного региона в другой. Если в царствование Александра I таких руководителей в Крыму не было вообще, то при его приемнике трое из пяти администраторов ранее занимали аналогичные посты в других губерниях. Эта тенденция свидетельствует о постепенном складывании системы подготовки губернаторов в Российской империи. Важным являлся и опыт работы в центральных органах власти. Он позволял администраторам обзавестись необходимыми связями в высшей бюрократической среде, а некоторым из них найти влиятельных протекторов. Подобные практики имели 6 губернаторов: Д.Б. Мертваго, А.С. Лавинский, Н.И. Перовский, А.И. Казначеев, М.М. Муромцов и В.Я. Рославец.

Нами были изучены такие показатели, как вероисповедание и национальное происхождение таврических губернаторов. В 1853 г. в сословном отношении все руководители регионов Российской империи являлись потомственными дворянами. По вероисповеданию 39 из них были православными (83 %) и 9 – лютеранами (Зайончковский, 1978: 152). Все главы Тавриды первой половины XIX в. были православными христианами, кроме В.И. Пестеля, исповедующего лютеранство.

Г.П. Милорадович и В.Я. Рославец были представителями черниговского дворянства, Н.И. Перовский – внебрачный сын Алексея Кирилловича Разумовского – представителя одного из богатейших украинских родов. Д.Б. Мертваго являлся дворянином из Оренбургской губернии; А.С. Лавинский (внебрачный сын Степана Сергеевича Ланского) и А.Н. Баранов – представители крупных дворянских родов, имеющих имения по всей империи; Д.В. Нарышкин из Калужской губернии; А.И. Казначеев, М.М. Муромцов и А.М. Бороздин из Рязанской, В.И. Пестель из Смоленской губерний.

Оставляло желать лучшего финансовое положение губернаторского корпуса Таврической губернии. Вознаграждение за службу было недостаточным. Отельные руководителям Тавриды приходилось испытывать нужду, именно поэтому в первой четверти XIX в. Министерство внутренних дел прибегало к практике назначения в Крым состоятельных администраторов. Это делалось по двум причинам. Во-первых, во избежание жалоб со стороны губернаторов на денежные трудности; во-вторых, предполагалось, что состоятельные чиновники будут вкладывать собственные средства в развитие региона, создавая крупные хозяйства в слабо развитых землях. Поощрялось приобретение губернаторами земельных наделов на полуострове. Особенно ярко эта тенденция проявлялась в годы царствования Александра I.

Карьерный рост в начале XIX в. не всегда способствовал обогащению, зачастую состоятельность определялась происхождением. Г.П. Милорадович был одним из самых обеспеченных таврических губернаторов. После ухода с государственной службы он посвятил себя управлению своими обширными владениями. Так, ему принадлежал город Любеч, обороты с торговли в котором достигали сотен тысяч рублей в год. В наследство от родителей ему досталось около 8 тыс. крепостных. В годы управления Таврической губернией он приобрел земли в Екатеринославской губернии, при этом не стал владельцем угодий в подведомственном ему регионе. Это в очередной раз подтверждает его стремление как можно скорее покинуть Крым. Д.Б. Мертваго был владельцем маленького родового села Мертовщины в Оренбургской губернии, где ему принадлежало 56 крепостных мужского пола.

Крупным крымским помещиком являлся А.М. Бороздин. Ткацкими фабриками и садами славилось его имение Саблы (ныне с. Каштановое и с. Партизанское Симферопольского района). На Южном берегу Крыма он владел имением Кучук-Ламбат (ныне территория санатория «Утес» городской округ Алушта). Большинство работников в этих имениях были лично свободными людьми, лишь 184 человека являлись крепостными. Кроме того, в Псковской губернии ему принадлежало 328 крестьян (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 117. Л. 2). Общая стоимость имущества А.М. Бороздина в 1838 г. составляла 250 тыс. руб. (Кравчук, 2013: 60; Непомнящий, 1999).

А.С. Лавинский являлся собственником деревень Любимцовой и Троцкой с 80 душами крепостных, также ему принадлежал дом в Санкт-Петербурге (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 277. Л. 12–13). Все имущество чиновника было заложено. Его дочь Елизавета Александровна после кончины родителя просила Николая I о назначении ей пансиона (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 219. Л. 29–30). О количестве крепостных у Н.И. Перовского информации нет. В Крыму ему принадлежали дачи Новоникольская (с. Родниковое, Симферопольского р-на), Приморская (недалеко от Севастополя) и Нинега (район пгт. Гаспра). Также он обладал имением Кильбурун (с. Пионерское, Симферопольского р-на).

Д.В. Нарышкин имел 1,3 тыс. крестьян мужского пола (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 199. Л. 2–3). В 1824 г. он приобрел имение «Каролиновка» у жены известного академика П.С. Палласа, где в 1826 г. был возведен особняк, который сейчас известен как Дом М.С. Воронцова (ныне территория Ботанического сада Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского) (Непомнящий, Кравчук, 2016). Кроме того, ему принадлежала небольшая усадьба в Симеизе. А.И. Казначеев владел родовыми имениями в Рязанской и Тверской губерниях, в которых проживало 125 крестьян. За годы работы в Тавриде он приобрел виноградные сады в Ялтинском уезде и Судакской долине при деревне Кизилташ (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 595. Л. 1–10). Имения в Рязанской и Тульской губерниях с 940 крестьянами были собственностью М.М. Муромцева. В.Я. Рославец принадлежали 203 крепостных мужского пола в Глуховском уезде Черниговской губернии (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 442. Л. 1). В.И. Пестель владел 300 крестьянами в Витебской губернии (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1692. Л. 52–53). Сведения о финансовом положении А.Н. Баранова нами обнаружены не были.

Таким образом, из 11 губернаторов рассматриваемого периода лишь 4 являлись собственниками земельных владений в Крыму. Обширные владения принадлежали А.М. Бороздину и Н.И. Перовскому. Активную экономическую деятельность на полуострове вел А.И. Казначеев. Двое последних придавали ведению хозяйства значимую роль и получали от этого дополнительных доход. А.М. Бороздин вкладывал крупные средства в развитие имения Саблы, однако, он, с присущей скорее ученому, чем хорошему хозяину энергией, делал упор на проведение различных экспериментов по выращиванию разнообразных сортов плодовых деревьев, винограда, разводил тутового шелкопряда.

Согласно формулярным спискам таврических гражданских губернаторов, ни один из них не находился под следствием. Однако такой прецедент существовал: А.М. Бороздин являлся фигурантом нескольких судебных разбирательств. Главным из которых было дело, открытое в связи с растратой средств, выделенных на строительство Александро-Невского кафедрального собора в Симферополе.

Губернатора временно отстранили от должности, его имущество находилось под арестом. В ходе следствия администратор был оправдан, тем не менее, эти события послужили поводом к его отставке.

Не менее интересным и важным является вопрос о том, где продолжили службу таврические губернаторы после увольнения. Так, Г.П. Милорадович занялся собственным хозяйством и стал одним из самых крупных землевладельцев Черниговщины (Милорадович, 1871: 97–99). Д.Б. Мертваго стал генерал-провиантмейстером (1807–1810 гг.). Из-за постоянных конфликтов с военным министром А.А. Аракчеевым «в исходе марта месяца 1810 года получил отставку с мундиром и половинным жалованьем» (Мертваго, 2006: 197), затем служил в Сенате. А.М. Бороздин с 20 июля 1816 по 2 ноября 1828 гг. числился в межвом департаменте Сената, однако на заседаниях не присутствовал, все время находился в Крыму (Линниченко, 1913: 191–199).

Иначе сложилась судьба А.С. Лавинского. В 1822–1833 гг. он занимал пост Восточно-Сибирского генерал-губернатора. После отставки, 6 декабря 1833 г., получил назначение в Сенат. Наивысшую должность в своей карьере занял 1 января 1836 г., став членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел. Кроме того, он был членом Совета, учрежденного при Воспитательном обществе благородных девиц и Санкт-Петербургского Ордена Св. Екатерины; Комитета учрежденного для составления статута Ордена Св. Станислава; членом Думы знака отличия беспорочной службы; почетным опекуном Санкт-Петербургского опекунского совета. Исправлял должность председательствующего и управляющего Санкт-Петербургской Сохранной казной (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 277. Л. 12–19).

Н.И. Перовский после увольнения 24 марта 1825 г. был причислен к Министерству иностранных дел без определения на какой-либо пост. 25 ноября 1841 г. «высочайше повелено по неимению занятий в ведомстве, больше в оном не считать» (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1688. Л. 146). Д.В. Нарышкин скончался вскоре после отставки. Трагичной была судьба А.Н. Баранова, умершего от полученного солнечного удара во время исполнения служебных обязанностей при объезде Перекопского уезда. А.И. Казначеев 22 февраля 1845 г. был утвержден предводителем дворянства Таврической губернии. С 1848 по 1854 гг. занимал пост градоначальника Одессы. С 29 ноября 1856 г. был членом комиссии, наблюдавшей за постройкой храма Христа Спасителя в Москве. Завершающей вехой его карьеры стало занятие поста управляющего сохранной и сберегательной кассой при Московском Воспитательном Доме (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 442. Л. 1–5). М.М. Муромцов, покинув Крым, сосредоточился на управлении собственным имением (Грачева, 2002: 31–40). В.Я. Рославец в 1845–1848 гг. продолжал службу херсонским гражданским губернатором (Губернии, 2003: 244). В.И. Пестель получил назначение в Сенат (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1692. Л. 59).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в годы правления Александра I, таврические гражданские губернаторы часто уходили на повышение, занимали высокие позиции в центральном аппарате управления. При его приемнике и во время руководства Новороссийским краем М.С. Воронцовым эта тенденция меняется: чиновники нередко перемещались в пределах региона, однако ни один из губернаторов этого периода не сумел достичь карьерных высот своих предшественников. Это свидетельствует о том, что новороссийский генерал-губернатор не стремился продвигать своих подчиненных на более высокие посты, а также подтверждает тезис о падении самого уровня чиновников, занимавших пост руководителя Тавриды во второй четверти XIX в. Заметим, что карьерное продвижение А.И. Казначеева происходило скорее вопреки воли М.С. Воронцова, чем при его содействии.

5. Заключение

Проведенный анализ позволяет разделить всех губернаторов на 4 основных типа. К первому отнесем «губернаторов-протезе» – это те руководители региона, которые получили назначение лишь благодаря покровительству сверху и не сумели оказать значительного влияния на происходящие в крае события, находились в тени своего прямого начальника. К ним отнесем Д.В. Нарышкина, В.Я. Рославца, М.М. Муромцова, В.И. Пестеля. Второй тип – «губернаторы-профессионалы» – чиновники при участии которых происходили масштабные преобразования (Д.Б. Мертваго, А.М. Бороздин, А.И. Казначеев). Третья группа – «губернаторы-карьеристы» – государственные служащие, которые стремились к скорейшему продвижению по служебной лестнице. Для решения этой задачи они зачастую прибегали к сокращению нерешенных дел и редко обращали внимание на комплексные проблемы. В центральных органах власти именно по этому показателю нередко определяли эффективность деятельности региональных органов власти. К этому типу губернаторов отнесем А.С. Лавинского. В отдельную категорию выделим руководителей, занимавший пост непродолжительное время, что затрудняет оценку их деятельности. Это Г.П. Милорадович, А.Н. Баранов и Н.И. Перовский.

Формирование губернаторского корпуса Таврической губернии в первой половине XIX в. проходило в общем ключе проводимой в Российской империи кадровой политики, при этом имело ряд особенностей. После создания административной единицы и в первые десятилетия ее существования именно на руководителей края легли вся тягота по ее обустройству. Это требовало от управленцев недюжинной энергии, инициативности и гибкости. В этой связи большинство

чиновников, определяемых на пост главы Тавриды, были молоды, со значительным опытом работы как в центральных, так и региональных органах власти. Многие из них в дальнейшем сделали блестящую карьеру. Со второй четверти XIX в. ситуация изменилась. В аппарате управления все большую роль начинают играть «губернаторы-профессионалы», за свою карьеру побывавшие во главе ни одного края. В годы генерал-губернаторства М.С. Воронцова ярко проявилась и другая тенденция: перемещение чиновников в пределах Новороссии и крайне редкий их переход на более высокие должности в центральные органы власти. Подобное явление было вызвано как особенностями кадровой политики, проводимой всевластным князем, так и общим падением уровня служащих, назначаемых на должность таврического гражданского губернатора.

Литература

- ГАРК** – Государственный архив Республики Крым.
- Грачева, 2002** – Грачева И.В. «В полях забытые усадьбы...». Баловнева и его владельцы // *Наука и жизнь*. 2002. №4. С. 31–40.
- Губернии, 2003** – Губернии Российской империи. История и руководители, 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 479 с.
- Завадовский, 1885** – Завадовский А.Г. Генерал-лейтенант Владимир Иванович Пестель // Сто лет жизни Тавриды, 1783–1883. Симферополь, 1885. С. 250–269.
- Зайончковский, 1978** – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Захарова, 2001** – Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов: рыцарь Российской империи. М.: изд-во «Центрполиграф», 2001. 381 с.
- Киселев, Мироненко, 1986** – Киселев И.Н., Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные списки // *Число и мысль*. Сборник. М.: Знание, 1986. Вып. 9. С. 6–31.
- Кравчук, 2013** – Кравчук А.С. К биографии таврического гражданского губернатора А.М. Бороздина // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки»*. 2013. Т. 26(65), № 2. С. 45–66.
- Кравчук, 2015а** – Кравчук А.С. К биографии таврического гражданского губернатора Александра Николаевича Баранова, 1793–1821 // *Крымское историческое обозрение*. 2015. № 3. С. 59–73.
- Кравчук, 2015б** – Кравчук А.С. К биографии таврического гражданского губернатора Матвея Матвеевича Муромцова // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки»*. Т. 1(67). №4. 2015. С. 21–33.
- Линниченко, 1913** – Линниченко И.А. К биографии Таврического губернатора генерал-лейтенанта Андрея Михайловича Бороздина // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1913. № 50. С. 191–199.
- Лысенко, 2006** – Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи: XVIII–начало XX в. М.: изд-во МПГУ, 2001. 358 с.
- Мертваго, 2006** – Мертваго Д.Б. Записки (1760–1824) / подг. С.Д. Дзюбанов, Г.Г. Мартынов. СПб.: Русская симфония, 2006. 368 с.
- Милорадович, 1871** – Милорадович Г.А. О роде дворян и графа Милорадович. К.: Тип. М.П. Фрица, 1871. 160 с.
- Минаков, 2012** – Минаков А.С. Губернаторский корпус пореформенной России: состав и механизмы формирования // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки*. 2012. № 1. С. 11–19. Режим доступа: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-01/331-a>.
- Непомнящий, 1999** – Непомнящий А.А. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму // *Крымский Архив*. 1999. №4. С. 35–42.
- Непомнящий, Кравчук, 2016** – Непомнящий А.А., Кравчук А.С. Дмитрий Васильевич Нарышкин: к биографии таврического гражданского губернатора [Электронный ресурс] // *Электронное научное издание Альманах Пространство и время*. 2016. Т. 12. Вып. 1.: Крымоведение: пространство и время Крыма. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-argovt_east12-1.2016.12.
- Писарькова, 2012** – Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.: ил.
- Письмо императора, 1864** – Письмо императора Александра I к Г.П. Милорадовичу // *Русский архив*. 1864. № 5–6. С. 623.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: В 48 т. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 38: 1822–1823.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Фадеев, 1897** – Фадеев А.М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева, 1790–1867: в 2 ч. Одесса, 1897. Ч. 1. 231 с.
- Field, 1976** – Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Harvard: University Press, 1976. 512 p.

- LeDonne, 2004** – *LeDonne J.P.* Absolutism and Ruling class: the formation of the Russian political order, 1700–1825. New York: Oxford University Press, 1991. 376 p.
- Lincoln, 1982** – *Lincoln W.* In the vanguard of Reforms: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. 1982. 297 p.
- Orlovsky, 1967** – *Orlovsky D.* The Limits of Reform: the Ministry of International Affairs in Imperial Russia, 1802–1881. Harvard: University Press, 1981. 421 p.
- Yaney, 1973** – *Yaney G.L.* The systematization of Russian government: social evolution in the domestic administration of Imperial Russian, 1711–1905. Urbana, 1973. 320 p.

References

- GARK** – Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym [State Archive of the Republic of Crimea].
- Gracheva, 2002** – *Gracheva I.V.* (2002). «V polyakh zabytye usad'by...». Balovneva i ego vladel'tsy [«In the fields of forgotten manors...» Balovnevo and its owners]. *Nauka i zhizn'*. № 4. pp. 31–40. [in Russian].
- Gubernii, 2003** – *Gubernii Rossiyskoy imperii. Istoriya i rukovoditeli, 1708–1917* [The Province of the Russian Empire: the history and leaders 1708–1917]. (2003). Moscow: MVD of Russian. 479 p. [in Russian].
- Zavadovskiy, 1885** – *Zavadovskiy A.G.* (1885). General-leytenant Vladimir Ivanovich Pestel' [General-Lieutenant Vladimir Ivanovich Pestel]. *Sto let zhizni Tavridy, 1783–1883. Simferopol'*. pp. 250–269. [in Russian].
- Zayonchkovskiy, 1978** – *Zayonchkovskiy P.A.* (1978). Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX veke [Government of autocratic Russia in XIX century]. Moscow. 288 p. [in Russian].
- Zakharova, 2001** – *Zakharova O.Yu.* (2001). General-fel'dmarshal svetleyshiy knyaz' M.S. Vorontsov: rytsar' Rossiyskoy imperii [Field Marshal his serene Highness Prince M. S. Vorontsov: knight of the Russian Empire]. Moscow. 381 s. [in Russian].
- Kiselev, Mironenko, 1986** – Kiselev I.N., Mironenko S.V. (1986). O chem rasskazali formulyarnye spiski [What about formulary lists]. *Chislo i mysl'. Sbornik*. Moscow. Is. 9. pp. 6–31. [in Russian].
- Kravchuk, 2013** – *Kravchuk A.S.* (2013). K biografii tavrcheskogo grazhdanskogo gubernatora A.M. Borozdina [Taurida governor A. M. Borozdin]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki*. Vol. 26(65), № 2. pp. 45–66. [in Russian].
- Kravchuk, 2015a** – *Kravchuk A.S.* (2015). K biografii tavrcheskogo grazhdanskogo gubernatora Aleksandra Nikolaevicha Baranova, 1793–1821 [Taurida civil Governor Alexander Nikolayevich Baranov: biography pages]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*. № 3. pp. 59–73. [in Russian].
- Kravchuk, 2015b** – *Kravchuk A.S.* (2015). K biografii tavrcheskogo grazhdanskogo gubernatora Matveya Matveevicha Muromtsova [Taurida civil Governor Matvey Matveevich Muromtsov: biography pages]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki»*. Vol. 1(67). № 4. pp. 21–33. [in Russian].
- Linnichenko, 1913** – *Linnichenko I.A.* (1913). K biografii Tavricheskogo gubernatora general-leytenanta Andrey Mikhaylovicha Borozdina [From the biography of the Taurida Governor, Lieutenant-General Andry Mikhailovich Borozdin]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. № 50. pp. 191–199. [in Russian].
- Lysenko, 2006** – *Lysenko L.M.* (2001). Gubernatory i general-gubernatory Rossiyskoy imperii: XVIII–nachalo XX v. [Governors and General-Governors of Russian Empire: XVIII–early XX century]. Moscow. 358 p. [in Russian].
- Mertvago, 2006** – *Mertvago D.B.* (2006). Zapiski (1760–1824) [Memories (1760–1824)]. Saint Petersburg. 2006. 368 p. [in Russian].
- Miloradovich, 1871** – Miloradovich G.A. (1871). O rode dvoryan i grafa Miloradovich. [About the kind of the nobles and count Miloradovich]. Kiev. 160 p. [in Russian].
- Minakov, 2012** – *Minakov A.S.* (2012). Gubernatorskiy korpus poreformennoy Rossii: sostav i mekhanizmy formirovaniya [Governors post-reform Russia: composition and mechanisms of formation]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: Gumanitarnye nauki*. № 1. pp. 11–19. Web. <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-01/331-a>. [in Russian].
- Nepomnyashchiy, 1999** – *Nepomnyashchiy A.A.* (1999). Zh.-F. Gamba i ego zapiski o puteshestvii po Krymu [G. F. Gamba and his notes about trip around Crimea]. *Krymskiy Arkhiv*. № 4. pp. 35–42. [in Russian].
- Nepomnyashchiy, Kravchuk, 2016** – *Nepomnyashchy A.A., Kravchuk A.S.* (2016). Dmitry Naryshkin: Towards Civil Taurida Governor's Biography. *Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time* 12.1 ('Crimean Regional Studies: Space and Time of Crimea'). Web. <2227-9490e-aprovr_e-ast12-1.2016.12>. [in Russian].
- Pisar'kova, 2012** – *Pisar'kova L.F.* (2012). Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoy chetverti XIX v.: zamysly, proekty, voploshchenie [Public administration of Russia in the first quarter of the XIX century: concepts, projects, incarnation]. Moscow. 448 p. [in Russian].
- Pis'mo imperatora, 1864** – Pis'mo imperatora Aleksandra I k G.P. Miloradovichu [Leter of imperor Alexandr I to G.P. Miloradovich]. (1864). *Russkiy arkhiv*. № 5–6. p. 623. [in Russian].

- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe [Complete collection laws of Russian Empire: first collection]. (1830). Saint Petersburg. Vol. 38: 1822–1823.
- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [State Archive of Russian Federation].
- Fadeev, 1897** – *Fadeev A.M.* (1897). Vospominaniya Andreya Mikhaylovicha Fadeeva, 1790–1867: in 2 ch. [Memories of Andrey Mikhaylovich Fadeev, 1790–1867: in 2 vol.]. Odessa. Vol. 1. 231 p. [in Russian].
- Field, 1976** – *Field D.* (1976). The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Harvard: University Press. 512 p. [in English].
- LeDonne, 2004** – *LeDonne J. P.* (2004). Absolutism and Ruling class: the formation of the Russian political order, 1700–1825. New York: Oxford University Press, 1991. 376 p. [in English].
- Lincoln, 1982** – *Lincoln W.* (1982). In the vangard of Reforms: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. 297 p. [in English].
- Orlovsky, 1967** – *Orlovsky D.* (1981). The Limits of Reform: the Ministry of International Affairs in Imperial Russia, 1802–1881. Harvard: University Press. 421 p. [in English].
- Yaney, 1973** – *Yaney G. L.* (1973). The systematization of Russian government: social evolution in the domestic administration of Imperial Russian, 1711–1905. Urbana. 320 p. [in English].

На службе Государю: высшая администрация Таврической губернии первой половины XIX века

Андрей Анатольевич Непомнящий^{a, b, *}, Александр Сергеевич Кравчук^{a, c}

^a Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Российская Федерация

^b Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Российская Федерация

^c Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Таврическая губерния занимала особое положение среди административных единиц Российской империи. Этому способствовали уникальный климат, базирующийся здесь Черноморский флот, пестрота этнического состава и пограничное положение. Немаловажным фактором, создающим своеобразные условия, являлось отсутствие значительной дворянской прослойки, часто выступавшей в качестве негласного контролера, отслеживающего деятельность чиновников в центральных районах государства. В таких условиях происходило существенное неформальное расширение полномочий высших административных лиц, а вместе с ними и их роли в управлении губернией. В свою очередь, данные факторы вынуждали центральные органы власти прибегнуть к более качественному подбору чиновников на ключевые посты.

Анализ проводимой в Таврической губернии кадровой политики позволил выделить два основных этапа. В первый период, который по времени почти совпадает с царствованием Александра I, ключевую роль в подборе руководящего состава края играли министерства и лично император. Второй этап пришелся на время генерал-губернаторства М.С. Воронцова, назначенного в последние годы царствования Александра I и управляющего юго-западными землями страны при Николае I. В это время инициатива комплектования местных органов власти переместилась в регион. Новороссийский генерал-губернатор в большинстве случаев лично занимался поиском высших сановников и способствовал их продвижению.

Проведенный анализ технологий назначения губернаторов в Тавриде, как одной из окраинных территорий, а также оценка общего уровня их подготовки, позволяют на примере отдельной административной единицы выявить закономерности кадровой политики, проводимой в периферийных провинциях Российской империи.

Ключевые слова: Таврическая губерния, таврические губернаторы, административная история, Д.Б. Мертваго, А.М. Бороздин, А.С. Лавинский, М.М. Муромцов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dr.aan@mail.ru (А.А. Непомнящий),
alexkravchuk7@gmail.com (А.С. Кравчук)